

Анатолий Подольский

Не тобой положено, не тебе и брать

Рассказ

«Остановись здесь, прогуляюсь по набережной, подышу немного», - сказал Виктор Васильевич водителю и вышел из «мерседеса». Таранов Виктор Васильевич, известный в городе бизнесмен, обычно сам водил машину, ему нравилось управлять современными навороченными «седанами» и «джипами», он ценил их за скорость и комфортность. С водителем он ездил только, когда нужно было отправиться слишком далеко, например, в другой город, или в дни, когда он был очень загружен.

Вот и сегодня у него был особенный день: предстояла важная встреча с губернатором. Надо было сосредоточиться и собраться с мыслями. Виктор Васильевич прошёлся по мощённой набережной и остановился, облокотившись на гранитный парапет, тянувшийся вдоль реки. Как всё изменилось! В детстве, здесь, у реки они с мальчишками бегали, играя в прибрежных зарослях. Тогда здесь не было бетона и гранита, а росла трава, деревья и кустарники. Когда Таранов стал постарше, то любил гулять здесь с Ириной. Вообще, мама Ирины при рождении назвала её Ираидой, но её никто так не называл, а все звали просто Ира, Ирина. Ирина! Где она сейчас? Как сложилась её жизнь? Сколько лет прошло с их последней встречи?

А ведь это была его первая любовь, такая чистая и возвышенная. Ирина была несколько замкнутая, не любила рассказывать о своей семье, но Виктор ещё в школьные годы знал, что отца у неё не было, а мать слыла женщиной странной, занималась траволечением, снимала боль прикосновением руки, и к ней часто обращались за помощью местные жители. В городе поговаривали, что она потомственная колдунья, а потому побаивались и сторонились её. Виктор же был парнем современным, смелым, не верил ни в бога, ни в черта и души не чаял в своей черноволосой, кареглазой Ирине. Но после школы он уехал учиться в Москву, и хотя все каникулы проводил в

родном городе, встречи с Ириной стали всё реже, а когда Виктор ушёл в армию, их связь и вовсе оборвалась.

Таранов, весь погружённый в воспоминания перевёл взгляд с реки на берег. Ниже по течению был виден его дом с колоннами и башенками. Он строил его в 90-е годы, когда появились шальные деньги, - уже не от созданного им кооператива, а от солидной фирмы, которую он возглавлял и учредителем которой являлся. На этом месте раньше стоял «прокурорский» дом. Так он назывался потому, что принадлежал до революции 1917 года семье губернского прокурора Семибратова. Но в революционные времена прокурор с семьёй эмигрировал за границу, и дом использовался Советской властью в разных назначениях. Там находилось сначала управление образования, затем библиотека и даже столовая, но со временем дом обветшал, использоваться не мог, а вот мальчишки, начиная с 60-ых годов прошлого века, собирались там для своих встреч. Дом этот всегда пользовался дурной славой среди населения, и много разных слухов ходило о нём в городе. Так, например, говорили, что в доме спрятан клад и для того, чтобы его отыскать стены и подвалы дома были истыканы, исковыряны, внутренние кирпичные стенки и переборки разломаны. В поисках клада в детские годы принимал участие и Виктор Васильевич – тогда просто Витька. Как-то раз, когда он грязный, с поцарапанными о кирпичи руками вернулся домой, мать спросила

- Ты что, подрался?

- Да, нет, мама. Мы клад ищем в прокурорском доме. Говорят, там спрятано много сокровищ: драгоценности и золото.

- Ну, найдёшь ты клад и что дальше?

- Пароход куплю и буду на нём по реке всех катать.

- Знаешь, сынок, что я тебе скажу, клад – дело такое: «не тобой положено, не тебе и брать». Не приносят счастья людям клады, а чаще всего влекут разные напасти и неприятности. И даже если найдёшь случайно,

просто скажи: «Обойдут меня хвори и напасти за версту, не злато видел – бересту» - и шагай себе дальше.

- Но почему? – допытывался Витька у матери.

- Да потому, милый, что в таких домах в прошлые времена клады хоронили от чужого глаза и загребущих рук, а поэтому заговоры разные применяли. Может это и выдумки, но лучше не трогать такие сокровища...

И ведь как судьба повернула! Возможно, мать права была. Когда, уже успешным бизнесменом, он обратился в администрацию города с просьбой выделить участок земли, на котором от прокурорского дома остался лишь полуразрушенный фундамент ему оформили разрешение с условием, что он приведёт в порядок за свой счёт прилегающий участок набережной. Городская казна в те годы была не велика, и власти привлекали бизнесменов к благоустройству города. Конечно, затраты на превращение заросшего участка вдоль реки в облагороженную гранитом набережную с пешеходными дорожками, скамейками, с фонарями были велики, но место для его будущего дома было идеальное, и Таранов согласился. Как только дом был покрыт крышей, Виктор Васильевич обнёс участок высоким кирпичным забором с большими воротами для автомашин (в том числе и для строительной техники, т.к. работы ещё продолжались) и двумя калитками, через одну из которых можно было пройти к парадному крыльцу, а через вторую спуститься по ступенькам к реке.

Когда пришла пора прокладывать к дому инженерные сети, то оказалось, что делать эти работы, на своём участке, Таранов должен за свой счёт. Одна из траншей для труб должна быть прорыта по линии, на которой стояла старая ель. Вообще, на участке было два дерева, которые он так и не убрал: полузасохший дуб недалеко от дома и скожалившаяся от времени или недомоганий ёлка, которая однозначно мешала проведению трубопровода. Ёлку спилили. «А пень выкорчуем, когда траншею будем рыть», - решил практичный Таранов.

В день, когда прибыл экскаватор, Виктор Васильевич был дома и лично наблюдал за работой экскаваторщика, которого все звали – Лютый. У него фамилия была Лютов, поэтому ещё в юности его так прозвали одноклассники, и прозвище это закрепилось навсегда.

Таранов знал Лютого, как хорошего специалиста, а потому позволял себе снимать его с производственных объектов, если обстановка позволяла, для того, чтобы Лютый необходимые земляные работы исполнял во время строительства дома. Вот и в этот раз Лютый легко управлял огромной машиной, которая черпала большим зубастым ковшом грунт и аккуратно перемещала его за несколько метров. Ковш деловито ухватил пень от ёлки, вырвал его вместе с корнями и приподнял. Неожиданно из ковша вывалился небольшой предмет и ударился о землю. «Стой», - закричал Таранов и сделал соответствующий жест, скрестив руки. Лютый вышел из кабины экскаватора, он тоже обратил внимание на странный предмет. Виктор Васильевич и экскаваторщик подошли поближе и первое что увидели, – рассыпанные по земле серебряные монеты с изображением двуглавого орла. Тут же валялся небольшой деревянный сундучок, обитый узкими полосками металла, разломавшийся при ударе о землю. Лютый сначала смотрел на потемневшие от времени монеты, а затем стал быстро собирать их и лихорадочно рассовывать по карманам. Какое-то время Виктор Васильевич с удивлением смотрел на происходящее, затем пришёл в себя и громко сказал:

- Прекрати. Прекрати, я сказал.

- Виктор Васильевич, надо же собрать. Смотри добра сколько.

- Без тебя соберут. Иди на обед.

Он не стал заставлять Лютого вернуть монеты, постоял ещё несколько минут, когда машинист заглушил экскаватор и ушёл, очень быстро, наверное, торопился прикинуть: сколько ему досталось. «Не тобой положено, не тебе и брать», - вспомнил Таранов слова матери, и они почему-то не уходили у него из головы. Затем он пошёл в вагончик-бытовку, куда был временно подключён телефон, и позвонил Дерюгину, начальнику милиции города, с

которым у него были приятельские отношения. Тот, выслушав Виктора Васильевича, приехал быстро, оперативно оценил обстановку и начал пересчитывать монеты: оказалось 224 штуки.

- Что делать будем? – спросил полковник Таранова.

- Оформляй находку как положено. Вызывай специалистов из финансового управления, музея, кого там ещё нужно? Составляйте акт. От своей доли, что мне положено, я отказываюсь. Все бумаги, какие нужно, потом подпишу.

- Как скажешь, - как-то нерешительно проговорил Дерюгин, - Вольному - воля, а барину – власть.

Через несколько дней Таранов прочитал в областной газете, что в городе был найден клад в количестве 184 серебряных монет, и все они переданы государству. «Зажилил 40 монет Дерюгин», - выругался про себя Таранов, но не стал даже звонить начальнику милиции, руки которого были, видимо, «загрёбушие». Он постарался забыть про этот эпизод при строительстве дома, но вскоре произошедшие события напомнили ему о случившемся.

Не прошло и месяца, как он узнал о странной смерти Лютого. Тот работал на новом объекте, уже не у Таранова. Котлован, который экскаваторщик вырыл накануне, из-за проливного дождя, шедшего всю ночь, заполнился водой. Утром мастер очень сердитый и растерянный объяснял, что сейчас подойдёт арендованный кран и рабочие должны укладывать железобетонные блоки в основании фундамента. Сегодня фундамент нужно проложить по всему периметру, а котлован весь в воде. Насоса нет. Что делать?

«Не суетись. Не в первой», - остановил его Лютый, - «Иди за бульдозером. Будет тебе фронт работ». Он спровадил нервного мастера и подошёл к котловану посмотреть, как приступить к работе. Лютый знал, как можно осушить котлован в такой ситуации. Надо засыпать при помощи бульдозера его грунтом, а затем экскаватором снова вырыть котлован. Воды уже не будет. Неожиданно край котлована, на котором он стоял, обрушился

вниз и Лютый оказался в грязной жиже котлована, высота которого была не менее трёх метров, а глубина воды - не меньше человеческого роста. Одним словом, Лютого достали из воды и грязи уже мёртвым.

А спустя несколько дней Таранов встретился по делам с Дерюгиным в ресторане и с удивлением обратил внимание, что тот не пил и практически ничего не ел: - «Язва у меня. Недавно обнаружили. Предстоит операция и долгое лечение. С работы, наверное, придётся уходить».

- «Не пошли тебе на пользу сорок серебряников», - подумал про себя Таранов.

Вскоре Дерюгин оформил инвалидность, и они больше не встречались...

Виктор Васильевич очнулся от воспоминаний. Сегодня ему назначена аудиенция у губернатора, к которой он долго готовился. Разговор будет о строительстве порта. Когда-то на месте старых причалов кипела жизнь: пришвартовывались пароходы, выгружались баржи, на берегу формировались бригады грузчиков, а на причалах работали киоски, женщины-лоточницы предлагали горячие пирожки и другую выпечку.

Теперь же бывший порт представлял унылое зрелище: в нём напрочь отсутствовала какая-либо деятельность. В папке, которую Таранов приготовил для губернатора, находился бизнес-план по организации строительства порта с технико-экономическим обоснованием. Если губернатор проникнется идеей и поможет с инвестициями из столицы, выиграет не только Таранов, но и бюджеты области и города дополнительные финансовые поступления получат. Почва для обстоятельной встречи была подготовлена. Идею строительства порта Виктор Васильевич озвучил губернатору давно, потом появились в прессе несколько статей о необходимости восстановления статуса города как портового, да и население в основном одобрило бы строительство. И вот расчёты закончены, теперь нужна поддержка федеральных структур, кроме того необходимо заинтересовать инвесторов.

Губернатор встретил Таранова довольно дружелюбно. После формального приветствия неожиданно спросил:

- Клады больше не ищешь?

- И Вы туда же? - парировал Виктор Васильевич.

- Да шучу я. У нас с тобой есть дела посерьёзнее.

Губернатор тоже подготовился к предметному разговору. Не за горами выборы и ему были нужны проекты, о которых можно было сказать: - «Вот они, реальные для города и области дела».

- Ты серьезный бизнесмен, Виктор Васильевич, в политику не лезешь, с властью не конфликтуешь. Пришла пора нам более тесно сотрудничать. На днях еду в Москву, в министерство транспорта. В администрации президента тоже договорился о встрече. Мы уже письма отправили, теперь вот для твоих расчетов сопроводилровку обстоятельную подготовим и будем вопрос решать вплотную. Ну, давай, посмотрим на твоё технико-экономическое обоснование...

Более часа Таранов объяснял губернатору и его первому заму, который был приглашен чуть позднее, стратегию строительства порта и отвечал на их вопросы. Всех всё в основном устраивало. Основная задача – инвесторы, так как федеральный бюджет много денег не выделит, а самостоятельно область такой проект не потянет.

Уставший, но воодушевленный, Таранов заехал в офис, решил неотложные дела и вечером был у себя дома. Ужинать что-то не хотелось. Он налил в широкий фужер коньяк, выпил и сел в кожаное кресло перед огромнейшим телевизором. И снова образ Ирины будил в нём воспоминания прошлых лет. А ведь была возможность им быть вместе. Уже будучи женатым человеком, в последний год двадцатого века, однажды он случайно встретил Ирину в каком-то учреждении. Они договорились встретиться, а потом он убедил её уехать с ним на неделю в Сочи. Это были те самые дни, которые забыть нельзя. Ласковое море, синее небо, уютный номер гостиницы и нежные руки Ирины. Вот оно, счастье! Но он такой

решительный в бизнесе, не проявил это качество в личной жизни, и всё осталось по-прежнему. Любовницей Ирина дальше не захотела быть и через какое то время попросила оставить её в покое. Больше встреч с ней Таранов не искал, а неудержимый темп бизнеса, который стал смыслом его жизни, вскоре сгладил душевный дискомфорт и явную досаду. Да и в семье у него сначала всё было хорошо и логично. Дочка теперь уже замуж вышла, живет отдельно. С женой, правда, не всё так ладно, но развод он не оформлял, наверное, смысла не видел. В городе его знали, он был на виду, принимал участие в некоторых благотворительных акциях и даже на какое-то время создал свой благотворительный фонд.

Прошло несколько недель после разговора с губернатором, и Виктор Васильевич снова жил жизнью делового человека. Однажды вечером он сидел в своём любимом кресле перед телевизором. Неожиданно раздался звонок домофона. Виктор включил монитор и увидел на экране, что у калитки стоит женщина.

- Вы что хотели? – спросил он посетительницу.

- Это Ирина. Я хочу поговорить с Виктором Васильевичем.

- Ирина?! – Воскликнул Таранов и от изумления несколько промедлил с нажатием кнопки.

- Заходи.

Калитка открывалась автоматически, но надо было отпереть ещё входную дверь на крыльце.

- Ирина, здравствуй! Проходи. – Таранов распахнул перед ней дверь.

- Здравствуй! Мне надо с тобой поговорить. Можем здесь, чтобы не тревожить твоих домашних.

- Жена на курорте. Я один.

В прихожей он помог ей снять куртку, предложил тапочки, и они прошли в холл. Ирина была впервые в доме Виктора Васильевича и была несколько обескуражена видом просторного помещения, которое колоннами в античном стиле, широкими мраморными ступеньками вкупе с

высокими потолками больше напоминал вестибюль театра или дворца культуры. Даже мебель, сделанная по заказу в Италии, как – то терялась и казалась меньше.

- «Красиво, но как-то холодно от всего этого великолепия» – подумала, осмотревшись, Ирина, а вслух сказала: - Масштабно живешь, Виктор.

- Немного с мрамором переборщили. Да и сами помещения можно было сделать поменьше и, наверное, было бы уютнее. Ну да ладно. Я тебя чаем согрею. А можно и коньяк.

- Нет, коньяк - ёнет. Спасибо. А от чая не откажусь.

Хозяин усадил гостью на белый кожаный диван и пошел на кухню, тоже немереных размеров, приготовить чай. Он поставил поднос с чашками, вареньем, конфетами на длинный журнальный стол перед Ириной и попытался завязать разговор, но Ирина отвечала кратко, и Таранов понял, что у неё действительно есть что-то важное.

- Ладно, не буду тебя пытаться своими пустыми вопросами. Колись уж, чего пришла? Я по-любому рад тебя видеть.

- Больна я, Виктор.

- Нужна помощь?

- Нет. В больницу ложусь, операцию, наверное, будут делать. Только не знаю, поможет ли?

- У тебя же мать от болезней лечила. Не научила тебя что ли? – пробовал пошутить Таранов.

- Научила кое-чему. Только не можем мы сами себе помочь. А мамы больше нет. Да и не занималась она больше знахарством. А пришла потому, что надо предотвратить возможную беду, успеть надо. Не дай бог со мной что случится, никто тогда помочь не сможет.

- Да говори ты толком, не интригуй так.

- Виктор, у тебя во дворе клад заговоренный, и если случаем ты или твои близкие обнаружат его, – быть беде.

- Ой, насмешила! С ума вы все посходили с этим кладом. Что было, то найдено, и ты знаешь об этом. В газетах писали. А больше ничего нет. Стены старого дома разломали, фундамент полностью заменили, а в огороде, когда мы семьёй уезжали в отпуск, доморощенные искатели с металлоискателем каждый сантиметр обследовали и землю всю лопатами перекопали. Это после того, как серебро было найдено. Так что, увы, я разочарую тебя.

- Нет, Виктор, сокровища эти металлоискателем не найти. Ты вспомни, где серебро обнаружили? Да, под деревом. А почему та ёлка, которой уже нет и дуб такие хилые? Да потому, что сокровища даже деревьям не дают полноценного роста, корням мешают. У тебя под дубом второй сундук спрятан, с золотом. И пришла я заклятье с него снять. Тогда с тем, кто его найдет ничего не случится.

- Бред какой-то! Сказки всё это. А ты откуда про всё про это знаешь?

- Я знаю не много, но что знаю – расскажу. Четыре поколения, начиная с прабабки моей Фёклы, хранили эту тайну. Знания свои по ворожбе и знахарству передавались у нас в роду по женской линии. Но всё прекратилось. Моя мама в последние годы ничем подобным не занималась и мне не велела. Да и передавать секреты некому. У меня сын есть, а дочерей нет.

- У тебя сын? Сколько лет? Чем занимается?

- В университет поступил. Первый курс.

- А я всегда сына хотел, но вот не случилось. – Таранов налил себе коньяку, помедлил и выпил. – Хорошо, допустим, я тебе поверю. А взамен что хочешь? Чтобы я золотом поделился?

- Упаси бог! Нет, нет! Да и тебе не надо бы к такому золоту прикасаться.

Пойдем к дубу, я заклятье сниму, а там сам решай, как поступить.

- Чертовщина да и только, – пробурчал Виктор Васильевич, но вместе с гостьей вышел во двор, а затем отрешённо смотрел, как Ирина ходит вокруг дуба, негромко повторяет какие-то фразы и делает нелепые движения

руками. Уже темнело, и фигура женщины, произносящей в сумерках то ли молитвы, то ли наборы непонятных слов вносила какую-то нелепицу и наваждение в устоявшуюся жизнь Таранова. Эта жизнь была не всегда правильной с точки зрения морали, часто тернистая, но с понятными для него ориентирами и правилами. И вот на тебе. Фантасмагория, да и только!

...Прошло несколько дней, в течении которых Таранова не отпускали мысли о кладе. То, что рассказала ему Ирина, а она сама знала немного, было явно недостаточно для логического восприятия.

Но то, что не подвластно нашему герою, можем мы с Вами, уважаемый читатель, а потому приоткроем занавесу событий почти столетней давности:

...Губернский прокурор Семибратов Павел Петрович сидел у себя дома за столом, вместе со своим старшим братом Юрием Петровичем, приехавшим из Петербурга. Разговор шёл о переезде их с семьями во Францию. Главные моменты старший брат обозначил в письмах, которые заранее присылал Павлу Петровичу, и основные приготовления были уже сделаны, но осталось не обговоренным одно очень важное обстоятельство.

- Медлить более нельзя, – говорил Юрий Петрович, - в Петербурге совсем не спокойно. Царь от престола отрекся. Виданное ли это дело, что бы Россия – матушка без царя осталась. Поедем в Ригу, там сядем на пароход и далее – во Францию. Активы наши на счетах и в облигациях я уже перевел в Русский банк в Париже.

- А что делать будем с золотом и серебром? - тихо, почти шёпотом, спросил Павел Петрович: - Опасно со всем этим ехать.

- Да, не с руки забирать сейчас наследство с собой. И оставить негде, время смутное. Сделаем так: драгоценные украшения женщины наши, жены и дочери на себя оденут и одеждой прикроют. Туалеты их позволяют это сделать. А сундучки с монетами спрячем в доме, а когда смута закончится – вернемся. Только прятать надо в разных местах, серебро - отдельно, золото – отдельно. Да серебра у нас и немного, а вот золота наши дед с прадедом прикопили хорошо.

- Не говори об этом. Не хуже меня знаешь, сколько крови на том золоте.

- Нечистоплюйничай, деньги не пахнут. Тебе, прокурору, как об этом не знать.

- Ладно, спрячем, а если найдет кто?

- Думал я об этом. Фёклу, колдунью позовем. Пусть она заклинанья страшные наложит на богатство деда нашего. Она ведь тебя боготворит. Ты же не посадил её в тюрьму, хотя доносы на неё написаны были. И дочка её у тебя в доме прислугой работала.

- Всё равно боязно. А вдруг скажет кому-нибудь?

- Не скажет. Мы её дочь с собой заберем и вернем, если клады целыми сохранятся. Как стемнеет, пошли за колдуньей.

Вечером Фёкла выслушала братьев Семибратовых.

- Заклятье наложу, но дочь вам не дам. Я ей свой дар должна передать. И не бойтесь, мне ваше золото ни к чему. Другим живу. Дар мой пропадет, если его себе на выгоду пользоваться буду. Если хотите, чтобы чужая рука не прикоснулась к сундукам, в огороде выкопайте две ямы, подальше друг от друга, в одну положите золото, в другую серебро и сразу посадите на эти места дуб и ель. Дуб – на золото, ель – на серебро. Они корнями обовьют ваши сокровища, никто ввек не догадается. А я заклятье прочитаю.

- Ну, Фёкла, смотри, если что не так. На вот, возьми за труды свои, - Юрий Петрович протянул ей несколько ассигнаций. - За домом присматривай, ключи тебе оставим. Твоя дочка у нас работала, поэтому скажешь всем, что велели братья следить тебе с ней за домом. А вернемся – забот знать не будите.

Фёкла с поклоном взяла деньги.

- Вот, а говорила - другим живешь. Деньги всем нужны.

- Смотря какие деньги, – отвечала Фекла, - для нужды – это можно, если, конечно, не красть, а вот для возвеличивания, обогащения или гордыни – брать нельзя.

- Не так ты проста, Фёкла, да ладно, сделаем всё, как ты сказала, а там как бог даст...

Фёкла слово сдержала, присматривала с дочкой за домом, даже мусор во дворе подметали, пока новая власть дом прокурорский не национализировала. А братья Семибратовы как в воду канули. Не было от них никаких известий. И вот, точку в этой истории надлежало поставить Ирине, что она и сделала.

Ирина лежала в больнице, в отдельной палате (Таранов постарался, позвонил главному врачу и договорился об индивидуальном уходе). Прошла неделя, но Виктор Васильевич заглянул только один раз – убедиться, что за ней соответствующий уход.

- «Не до меня ему сейчас, – подумала Ирина. – Может, зря на него такой груз повесила. Сдалось это золото. Но маме обещала. Что теперь? Дело сделано».

Таранов и в самом деле был занят: днем – работой, вечером – попытками как-то осмыслить происходящее с ним в последнее время:

- А если и в самом деле под дубом закопан клад с золотом? Это ведь не серебро. Реальное может быть богатство на десятки, а то и сотни миллионов.

Виктор Васильевич святым не был, создавая свой бизнес, особенно в первоначальный период, когда он был совсем молодым и рисковым. Тогда всякие методы были в ходу. Ни себя не щадил, ни партнёров, ни конкурентов. Правда, явного криминала формально за ним не было, но грешки откровенные водились.

- Вырыть клад, воспользоваться случаем. Многие просто мечтают так обогатиться. А если там ничего нет? Мало ли что предки Ирины могли напутать. Легенды всегда обрастают всякими небылицами.

И Таранов решился. Он бензопилой спилил старый, так и не ставшим могучим дуб, причем пенёк оставил высоким. Лебедка в его хозяйстве была, пользоваться ей он умел и однажды, ближе к вечеру, самостоятельно, с помощью лебедки он выкорчевал пенёк, оставшийся от дуба.

Много времени это не заняло, но под пеньком ничего не оказалось. Таранов взял лопату и начал углублять образовавшуюся яму, обрубая при этом топором, оставшиеся в земле корни. Наконец под лопатой что-то глухо стукнуло. Это были явно не корни. Виктор Васильевич с удвоенной энергией продолжал выгребать грунт и вскоре освободил от земли крышку сундука. Сундук был гораздо больших размеров, чем первый – с серебром. Таранову пришлось хорошо постараться, прежде чем он смог открыть крышку сундука, не доставая его целиком. И вот, наконец, Таранов не без труда сначала приоткрыл крышку, а затем и полностью поднял её. Он знал, что такое оцепенение, но по-настоящему испытал это ощущение впервые. Не надо быть экспертом, что бы понять: перед ним килограммы золота в старинных российских монетах. Это больше, чем целое состояние.

Виктор Васильевич сел на край вырытой им ямы и молча смотрел на открывшееся как в сказке сокровище. Вся его жизнь последних лет состояла в том, что бы иметь как можно больший доход. Деньги – вот была основная цель. Ради развития бизнеса он многим жертвовал. Но сейчас, когда казалось, судьба дарит ему то, к чему он всегда стремился, он не испытывал радости. Таранов вдруг вспомнил о той давнишней находке с серебром. Теперь он точно звонить никому не станет и сообщать о случившемся тоже не будет.

Сколько так просидел Таранов, сказать трудно, но вот он решительно поднялся, закрыл крышку сундука и стал забрасывать его землей. Закончив работу, он оттащил подальше пень, - «Потом сожгу», - и выровнял место, где только что была яма.

- Не тобой положено, не тебе и брать, - с какой-то внутренней гордостью вслух произнес Виктор Васильевич и пошёл убирать в кладовку лебедку и инструменты.

Ему стало легко и свободно. Он впервые за несколько дней не был удручен изматывающими мыслями. Таранов стоял под вечерним небом, смотрел на вечные звезды и вдруг почувствовал что проголодался. После ужина он долго стоял под душем, ощущая, как потоки воды смывают с него

невидимую паутину, до сих пор мешавшую ему быть по-настоящему свободным в своих стремлениях.

Утром, когда Виктор Васильевич проснулся, в окно лились яркие солнечные лучи. На душе было чисто, мысли были ясными, и, самое главное, он был совершенно спокоен. Он знал, что делать дальше.

Поехал в офис, а ближе к обеду – в больницу, к Ирине. Он вошел к ней в палату с огромным букетом цветов. Ирина улыбнулась и первая спросила:

- Как ты?

- Всё просто замечательно. Я всё правильно сделал, даже если не по правилам. Тебе не надо больше беспокоиться. А что тебе доктора говорят?

- Уверяют, что ситуация под контролем и просят не бояться операции. А я и не боюсь.

- Скажи, Ирина, а кто отец твоего сына? Как у него отчество?

- Я знала, что ты догадаешься. Ты слишком умный, всегда слыл аналитиком. Какое отчество? Викторович! Какое ещё?

- Сколько лет молчала! - Таранов взял руку Ирины и прижался к ней губами. – У меня есть сын, что может быть дороже?! Расскажи мне о нём. И познакомь нас как можно скорее.

Через час Виктор Васильевич, несколько ошарашенный от полученного известия, снова ехал в машине. Раздался звонок сотового телефона. Звонила секретарша с его приёмной:

- Виктор Васильевич, звонили из Московской государственной компании, они заинтересовались Вашим проектом по строительству порта. А ещё губернатор Вас спрашивал. У него приятные известия по этой же теме.

Таранов остановил машину и опустил боковое стекло «мерседеса». Солнце было в зените и осыпало землю золотом своих лучей.

Она приходит один раз

Артём остановился около своего вагона под номером три. Посадка ещё не была объявлена, но на табло перед платформой уже высветилась надпись с названием его города, да и сам состав был уже подан. Артём сделал несколько шагов в сторону, чтобы не мешать проходившим вдоль поезда пока ещё немногочисленным пассажирам, поставил на платформу сумку и стал осматривать, подняв голову, высокие опоры, на которых были смонтированы навесы выкупной формы по всей площади платформ для посадки. Такая своеобразная крыша над составами, которые прибывали и отправлялись с многочисленных путей, позволяла пассажирам чувствовать себя комфортно: в любую погоду они были укрыты от дождя и снега. Да и вообще, Казанский вокзал изменился за эти годы. Артём помнил его с середины 90-х годов, когда он ещё школьником вместе с родителями неоднократно бывал здесь. Тогда вокзал даже пугал его своим шумом и столпотворением людей, которые у него вызвали ассоциацию с «броуновским движением», которому была посвящена отдельная тема в школе то ли на уроках химии, то ли физики.

Он хорошо помнил, как впервые увидел здесь на вокзале игру «в напёрсток». Тогда их поезд прибыл в Москву ранним утром, и его родители вместе с ним не спустились сразу в метро, как это обычно происходило, а зачем-то на некоторое время зашли в здание вокзала. В огромном, но ещё не заполненном в такие ранние часы пассажирами зале вокруг нескольких групп напёрсточников собирались люди и наблюдали за игрой. Ловкие мошенники, заманивая в игру простодушных наблюдателей, давали возможность угадать под каким колпачком (напёрстком) находится шарик своим подставным участникам, но как только в игру, с виду такую незамысловатую, вступал кто-либо из посторонних, он безоговорочно проигрывал, иногда крупные суммы. Артём стал свидетелем, как одна из жертв мошенников плакала и

просила вернуть ей деньги. Тогда ещё Артём удивился: почему дежурившие на вокзале полицейские не вмешались в ситуацию, не задержали прохиндеев, а спокойно прошли мимо плачущей на взрыд женщины, нагло обманутой профессиональными напёрсточниками. Этот случай так поразил Артёма, что он одно время даже мечтал стать полицейским, непременно хорошим, чтобы арестовать всех напёрсточников. Но после окончания школы он закончил строительный ВУЗ, а работать стал в крупном автоцентре, в отделе продаж. В связи со спецификой работы ему часто приходилось бывать в столице, и хотя появилась возможность приезжать в Москву на личной или служебной автомашине, он предпочитал поезд, а потому регулярно бывал на Казанском вокзале. Здесь уже не появлялись напёрсточники, почти исчезли попрошайки, кассы поездов дальнего следования перенесли в другое здание, и вообще, вокзал уже не пугал его, а стал необходимостью и обыденностью в его жизни. Теперь здесь можно перекусить, не опасаясь за здоровье и выпить чашку неплохого кофе, ожидая своего поезда.

Артём не любил опаздывать и всегда приезжал на вокзал загодя, покупал в большом газетном киоске газеты. Это был даже не киоск, а длинный прилавок с витражами, где продавались всевозможные журналы и газеты, затем поднимался в кафе на второй этаж, где минут 30 за кофе читал прессу. Конечно, все новости и статьи можно через планшет или телефон просмотреть в интернете, но ему нравилась привычка читать книги, журналы и газеты вживую, которую он перенял, наверное, от своих родителей, хотя они были тоже людьми образованными и легко пользовались современными средствами коммуникаций.

Артём увидел, что проводница его вагона открывает двери, и потянулся за сумкой, как вдруг услышал голос:

- Артём, ты не меняешься. Смотришь высоко, всё выше и выше. Ну, здравствуй, Динозавр инновационный.

Перед ним стояла Снежана. Она улыбалась ему со свойственной ей ироничностью и одновременно какой-то нежностью, что так приятно

обволакивала его в далёкие счастливые дни. Он удивленный и обрадованный даже не сразу спросил:

- Привет. Ты едешь домой?

- Да, надо родителям показаться. Пеняют, что не видят меня. Наконец, собралась. Слушай, уже посадка началась. Пойду я.

- Какой у тебя вагон? У меня вот, третий.

- Он ещё спрашивает?! Следующий конечно.

Артём вошёл в свой вагон, снял куртку, положил сумку вниз и сел у окна. Через несколько минут в купе вошла молодая приятная женщина с объёмным дорожным чемоданом на колёсиках. Артём помог ей разместить багаж, а когда поезд тронулся, они беседовали за чаем, который предложила им проводница в строгой синей униформе.

Артём поддерживал беседу, но сам понимал, что его уже не оставят мысли о Снежане.

- Молодой человек, Вы где? Я вижу Вы весь встревоженный. Поезд – это место, где можно поделиться своими тревогами даже случайному попутчику. Я не экстраверт, но знаю, иногда достаточно выговориться.

Трудно сказать, почему, но Артём повёлся на слова этой незнакомой женщины с располагающими манерами и начал рассказывать:

Со Снежаной Артём встретился в своем городе на конкурсе «Мисс Лингва». Его младшая сестра Аня, студентка пединститута, уговорила его быть одним из спонсоров этого студенческого праздника, который сочетал в себе конкурс красоты с интеллектуальными способностями и знанием английского языка. Артём, к тому времени работавший в должности заместителя директора автоцентра, решил, что дополнительная реклама их фирме не помешает и согласился. Сумма в качестве спонсорского взноса была совершенно приемлемой, и Артём пообещал дополнительно для каждой участницы конкурса большую коробку конфет. Он был включён в жюри, а в качестве бонуса, ему в конце вечера была предоставлена

возможность поздравить участниц от своей фирмы и каждой вручить подарки.

Правда, Артём откровенно сомневался в своём английском, ведь одним из критериев конкурса было хорошее знание конкурсантками английского языка, но его успокоили:

- «Все остальные члены жюри владеют английским на профессиональном уровне, почти все они - наши преподаватели».

В день конкурса Артём прибыл в институт в назначенное время. Его встретила Аня и проводила в актовЫй зал, который уже был заполнен студентами. Перед сценой стояло несколько столов, за которыми сидели члены жюри. Председатель жюри – заведующая кафедрой увидела Артёма, поднялась на встречу, представила его другим членам жюри и усадила на предназначенное ему место. Справа от него сидела тёмноволосая девушка в чёрном облегающем платье. Сверкающее кольцо на фоне чёрного платья придавало девушке аристократический вид, а её стройная фигура вкупе с правильными чертами лица делали девушку настоящей красавицей. Артём это сразу заметил и нашёл повод обратиться к соседке, с просьбой рассказать об этапах конкурса. Так они познакомились.

Снежана, сама выпускница этого вуза, преподавала английский язык в институте и знала почти всех конкурсанток. Артём отметил, что ей, Снежане, самой впору участвовать в конкурсе красоты, и он, Артём, назвал бы её победительницей, в общем, королевой красоты. Снежана чуть улыбнулась. Было видно, что она привыкла к мужскому вниманию, но Артём ей сразу понравился своей серьёзностью и основательностью. Всё время, пока на сцене студентки старательно отрабатывали этап за этапом конкурсных заданий Артём и Снежана живо общались, обсуждая какой оценки заслуживает та или иная претендентка. Во многом их взгляды совпадали и по завершении основной части конкурса они передали листы со своими вердиктами председателю жюри. Артём понимал, что совсем скоро начнется процедура награждений и всё закончится. Он пытался что-то придумать.

Снежана понравилась ему с первого взгляда, а к концу вечера он окончательно запал на неё. Внутри у него, то горело, то щемило и он физически ощущал, что это его девушка, несмотря на то, что они познакомились всего несколько часов назад. Началось вручение подарков всем участницам, а затем процедура награждений мисс лингвы, вице-мисс, мисс очарования, мисс зрительских симпатий и т.д. Снежана на ухо Артему комментировала каждое награждение. И пока она шептала Артёму об особенностях каждой номинации, она была настолько близко, что её волосы касались лица Артёма, а губы случайно коснулись его мочки уха. От этих прикосновений у Артема напрочь снесло голову, таких сильных мгновенных ощущений он ещё не испытывал. «Это она, девушка его мечты. Надо во что бы то ни стало познакомиться поближе», и он решил действовать сразу и смело.

После процедуры награждения, когда утихли аплодисменты, Артём повернулся к Снежане:

- У меня предложение. Давайте отметим мой первый опыт работы в жюри. Мой приятель - администратор в кафе. Он всё организует по высшему разряду. Я Вас приглашаю.

- Нет, Артём, это неудобно. Я не могу.

- Тогда давайте я приглашу всех членов жюри. Наверняка кто-то согласится, и мы поедем компанией.

- Это тоже не совсем прилично. Лучше я приглашу сама двух своих коллег из жюри. Думаю, на ужин они согласятся.

Обрадованный Артём позвонил в кафе, заказал столик, и уже через полчаса они сидели в уютном кафе сербской кухни. Артём, не скрывая, хотел оказать впечатление и на их стол подали телятину с запечёнными овощами, всевозможные салаты и нарезки, фрукты и итальянское красное вино. Дамы, коллеги Снежаны, расслабились, были веселы и общительны. Артём со Снежаной снова сидели рядом, и он во время разговора, как бы невзначай, пару раз коснулся её руки. Снежана руку не убирала, но и не кокетничала. Её

подругам Артём понравился, и когда он развозил их по домам, они рассыпались в комплиментах в адрес такого галантного ухажёра. Последней он отвёз Снежану. Когда машина остановилась у её подъезда, Снежана не сразу вышла, она повернулась к Артёму и сказала, что ужин был чудесным. Артём не посмел её поцеловать, но надо было что-то делать. - «Надо взять у неё номер телефона», - подумал он, но вместо этого он произнёс совсем другую фразу:

- Снежана, запишите мой телефон, и назвал короткий шестизначный номер, - девушка сидела молча.

- Извините, Снежана, я хотел спросить Ваш номер.

Она вновь посмотрела на Артёма, снова чуть улыбнулась, но опять ничего не сказала. Растерянный Артём тихо спросил:

- Почему Вы не записали мой номер и свой тоже не сказали?

Снежана улыбнулась чуть шире:

- А не надо ничего записывать. Мой номер такой же, как у Вас. Только у Вас последние две цифры 01, а у меня 02. Думаю, это Вы запомните.

Артём облегчённо засмеялся:

- Я позвоню завтра? Вы мне расскажите о закулисных интригах подобных конкурсов.

- Нет, завтра суббота. Мы с родителями на выходные уедем из города.

- Тогда в понедельник?

- Ещё раз спасибо за ужин. Я пошла. До свидания.

В понедельник Артём позвонил сначала в одиннадцать часов, затем звонил через каждые полчаса, но телефон Снежаны не отвечал. Она перезвонила сама около трёх часов дня, когда Артём окончательно сник, и объяснила, что когда у неё пара, она оставляет телефон на кафедре, а в короткие перерывы разговаривать в окружении студентов или коллег как-то неудобно.

- Я освобожусь в 18:00, - сказал Артём, - Мы можем встретиться?

- Хорошо. Надеюсь, помните, где я живу. Когда приедете, позвоните, я выйду.

С таким трепетом Артём ещё никогда не собирался на свидание. У него не было определённых планов, он просто хотел видеть эту девушку и быть с ней. Его не устроили розы в цветочном киоске, и он поехал на центральный рынок, где в цветочных павильонах было изобилие цветов самых разнообразных видов.

Сначала он хотел купить букет из пяти роз - показалось мало, семь роз - тоже не устроило, с каждой дополнительной парой роз он всё более волновался и наконец остановился на семнадцати розах. 17 было его счастливым число, по крайней мере, он так считал. Спустя час, когда они со Снежаной гуляли около пруда, где белые лебеди грациозно плавали у берега и, не суетясь, подбирали хлебные крошки, которые им бросали дети и взрослые, они перешли на ты. Снежана шутливо, но назидательно объясняла ему, что на первое свидание надо приходить не с таким огромным букетом, а с одной, тремя, максимум с пятью розами.

- А то девушки твои будут думать, что ты динозавр инновационный.

- А может, я уже не захочу, чтобы у меня были свидания с другими девушками? Может, я буду приходить на свидание только к тебе. Ты мне очень-очень понравилась. Я не знаю, что происходит, но я даже уснуть не мог.

Здесь Снежана почему-то сникла и загрустила.

- Букет и в самом деле хорош. Просто шикарный. Спасибо! Только всё это напрасно. Не хочу тебе голову морочить. Ты мне тоже понравился, но встречаться мы не можем. Наша встреча с тобой – это как бы моё прощание с девичеством. Замуж я выхожу. Послезавтра еду в Санкт-Петербург. У меня там жених. Два года на стажировке за границей работал. Я его ждала. Теперь тоже преподаёт и переводами занимается.

Артём изумленный только промолвил:

- Это невозможно! Я не смогу жить без тебя. Мы судьбы друг друга. Мы встретились совсем не случайно, даже номера телефонов говорят об этом.

- Где ж ты раньше был? Где тебя носило? В одном городе живем, если судьба, раньше бы встретились. Мой жених хороший человек, я не могу его обмануть.

- Просто отмени поездку, ведь свадьба еще не назначена. Дай мне шанс. Ты же не любишь его?

- Артем, еще три дня назад, мы с тобой были не знакомы. А сегодня ведем такие разговоры. Мы же взрослые люди. Так не бывает.

И она вдруг заплакала. Артем, пытаясь успокоить, обнимал её за плечи, гладил её волосы, и в эти минуты она была самым дорогим человеком в его жизни. Успокоившись, она сказала:

- Давай, больше не будем об этом. Просто погуляем, потом ты меня угостишь кофе в новой кофейне.

Она понимала, что наваждение, так неожиданно охватившее их обоих, может быть обманчивым.

На следующий вечер он стоял у нее под окнами с огромным букетом роз, позвонил ей и просто сказал:

- Посмотри в окно. Если не выйдешь, мне придется, как в той песне рассыпать цветы по двору.

Снежана вышла на балкон, посмотрела на Артема, едва удерживающего в руках десятки роз, затем со свойственной ей иронией прокомментировала:

- Усыпать двор не получится, цветов не хватит. Не буду тебя в глупое положение ставить. Заходи уж.

Так начинался их роман.

Первая их близость произошла не сразу. У одного из сотрудников фирмы, где работал Артём, временно освободилась квартира, и он привёз Снежану туда, предварительно сменив всё постельное бельё и поставив в зале на стол вазу с цветами. Она не отказалась от бокала шампанского, но выпила совсем немного и вела себя обычно, хотя явно понимала, что сегодня

должно произойти. Когда они были уже в постели, и он беспрерывно целовал её, она неожиданно заплакала. Артём был настолько удивлён, что не сразу спросил:

- Что случилось, милая моя? Ты что? Я ведь люблю тебя.

- Нет, ты любишь мою внешность, моё тело, у тебя просто страсть, но ты всю меня не любишь.

- Господи, что ты говоришь? Я очень трепетно к тебе отношусь и никогда у меня до тебя не было таких чувств к девушкам. Если хочешь, я сегодня не буду настаивать. Давай отложим. Я могу подождать, если тебе нужно ещё время.

Но через несколько минут Снежана успокоилась и у них была первая ночь с всплесками эмоций души и тела. Утром счастливый Артём шутливо говорил Снежане:

- Сама ты динозавр. Я думал, ты девушка современная, а ты чисто тургеневский персонаж. Я люблю тебя. Слушай, ты что, часто плачешь?

- Да, нет. Вообще плакать – это не моё. Сама удивляюсь.

Они были очень красивой парой. Молодые, оба имевшие неплохой вкус в одежде, когда они гуляли по городу, причём Снежана непременно брала Артёма под руку, то некоторые прохожие даже оборачивались, чтобы полюбоваться такой гармоничной парой. Они любили ходить в театр, и делали это довольно часто, причём Артём, иногда, специально брал билеты в ложу. Ему нравилось держать Снежану за руку и смотреть перед началом спектакля вниз, на других зрителей, испытывая при этом чувство восхищения за свою девушку и чувство гордости за себя. Он купался в её нежности, заботе и каком-то непонятном ощущении, что этой девушке дано знать то, что не знает он. Иногда она с чисто женской непосредственностью могла остановить его излишнюю эмоциональность или поправить слишком резкое о чём-либо суждение. Когда он с иронией говорил ей об этом, она со свойственной ей светлой улыбкой отвечала:

- Я тебя на два года старше и это даёт мне право чуточку опекать тебя. Но я готова признать твоё лидерство, как только ты решишь сделать этот шаг.

Артём понимал, на что намекала его милая спутница, но не спешил делать предложение. Он жил с родителями и с сестрой в обычной трёхкомнатной квартире и надеялся вскоре накопить на первый взнос ипотеки, рассчитывая, что его квартира будет в новом доме и не выше пятого этажа. Он мечтал, что долгожданный момент обставит очень красиво: приведёт в новое жильё Снежану и там, как состоявшийся мужчина, сделает предложение своей избраннице. Ему нравилось делать красивые жесты, но при всём этом, он умел оставаться реалистом и заранее просчитывал свои шаги.

По пятницам он с друзьями иногда устраивал мальчишники: они собирались в ночном клубе, играли в бильярд и просто тусили, а в воскресенье играли в футбол в спортивном зале. Снежана, иногда, приходила ближе к концу футбольных баталий, садилась на втором этаже спорткомплекса, где были места для зрителей, и смотрела на игру своего Артёма. Она всегда приносила с собой морс из клюквы, чайный настой из шиповника или какой-либо другой напиток из трав или ягод. После тренировки они садились в машину, и она угощала его «напитками богов», как искренне говорил Артём.

Снежана первая познакомила своего Артёма с родителями. Она так и сказала ему:

- Моя мама хочет с тобой познакомиться.

- Ты что рассказываешь обо мне своей маме?

- Нет, но от неё я не могу скрыть свои влюблённые счастливые глаза.

Она давно всё поняла.

После таких слов Артём возражать не мог и познакомил девушку и со своими родителями, хотя они уже всё знали от Ани.

Казалось, их безоблачным отношениям ничто не угрожает, они любили друг друга и не давали повода для ревности. Они даже почти не ссорились, так как Снежана или уступала своему мужчине, или давала время ему остыть. Первая трещина в их отношениях появилась на ровном месте. Снежана целый день не отвечала на его звонки. Вечером он всё же дозвонился до неё.

- Ты где? Почему не отвечаешь?

- Я весь день сопровождала, в качестве переводчика, одного итальянца. Одна фирма обратилась к нам на кафедру, и работать с иностранцем поручили мне.

- Ты не знаешь итальянского.

- Нет, но он хорошо говорит по-английски.

- А сейчас ты где?

- В ресторане. Руководитель фирмы отмечает с ним подписание документов. Я перевожу. Извини, мне, правда, некогда. Позвоню завтра.

Но на другой день, а это была суббота, Снежана не звонила. Рассерженный Артём вечером набрал её номер.

- Что происходит?

- Я отсыпалась. Вчера будущие компаньоны очень долго не расставались. Домой приехала за полночь.

- Ты ночами сидишь в ресторане с мужиками и считаешь это нормальным?

- Я не думала, что переговоры так затянутся, но они хорошо заплатили.

- Ты что девушка из эскорта?

- Не оскорбляй меня. Для меня это хорошая практика.

- Ты провела ночь неизвестно где и говоришь, что это хорошая практика? Вы чем занимались?

- Артём, остынь. Не заставляй меня думать, что ты мне не веришь. Давай оба успокоимся и созвонимся через пару дней.

Артём бросил трубку. Он был в бешенстве.

- «Мало того, что она сидела в ресторане в обществе чужих мужчин, так она его ещё и видеть не хочет. Два дня. Да вообще, неделю звонить не буду». Но через два дня они помирились.

Снежана обнимала Артёма и ласково вразумляла своего всё ещё обиженного героя:

- «Ты не просто динозавр, ты оказывается занудный динозавр».

Вторая их размолвка произошла, когда Снежана вместе с подругой уехала на психологические курсы в другой город. Курсы были однодневные и вечером того же дня они должны были вернуться, но не вернулись. Телефон не отвечал. Наконец, поздно, вечером, Снежана ответила:

- Мы решили не возвращаться сегодня. Завтра утром приедем на первой маршрутке. Переночуем в гостинице.

- Но ты говорила, что сегодня вечером вернёшься. Почему ты меня обманываешь?

- Послушай, Артём, у меня до тебя была своя жизнь, работа, подруги, увлечения. Я не могу всё это разом бросить. Я и так уже растворяюсь в тебе. И даже не знаю, хорошо это или нет.

Но и в этот раз они помирились спустя несколько дней. Артём опять выговаривал Снежане:

- У меня какая-то химическая зависимость. Я не могу представить свою жизнь без тебя. Ну почему ты так себя ведёшь? Даже одного слова неправды я не хочу от тебя слышать.

И снова Снежана увещала любимого:

- А как же женское лукавство? Ведь оно иногда только во благо отношений. И потом, мне никто не нужен кроме тебя. Ты лучший.

- Тебе есть с кем сравнивать? Я ничего не знаю о твоей прошлой жизни.

- Это всё было до тебя. Если будешь настаивать, я расскажу, но давай не сейчас.

Следующие полгода у них прошли как медовый месяц. Они смогли даже выкроить время и съездить на несколько дней в Санкт-Петербург

полюбоваться осенним городом на Неве. Приближался очередной Новый год. Надо было планировать, как его встретить. Артём надеялся встретить Новый год со Снежаной, но родители настояли, чтобы он новогоднюю ночь был с ними.

Снежана отреагировала на это сдержанно:

- Ладно, тогда я тоже дома с мамой и папой буду. Увидимся второго.

Но до второго января Артём, конечно, ждать не стал. В новогоднюю ночь он начал ей звонить в 23 часа, чтобы пожелать счастливо проводить старый год, Снежана не отвечала. Он звонил сразу после боя курантов для новогоднего поздравления, ответа не было. Снежана ответила только в три утра, поблагодарила за поздравление и сама пожелала счастья в новом году.

- Подожди, я слышу скрип снега. Ты что на улице?

- Да, в центре, на ёлке.

У Артёма ёкнуло сердце в недобром предчувствии.

- Ты встречала Новый год не дома?

- Получается, да, не дома.

- И где? С кем?

- В одной компании.

- В какой ещё компании? Ты говорила, что будешь встречать Новый год с папой и мамой.

- Потом объясню. Хочу спать. Я иду уже домой. Пока.

Утром второго января Артём приехал к Снежане домой. Она была одна.

- Родители в гости ушли. Салаты кушать будешь? У нас и вино хорошее осталось.

- Снежана, объясни: где и с кем ты была? Только без так называемого женского лукавства. Правду скажешь?

- Я скажу правду, но пообещай, что ты не будешь истерить. Ничего не было.

- Что значит, ничего не было? Ты с кем была?

- Пару недель назад в город вернулся мой одноклассник – Платон. Он за мной всегда бегал. После школы ушёл в армию, потом работал несколько лет в Сибири. Теперь вот вернулся. Пробовал за мной снова ухаживать, но я дала понять, что у меня всё хорошо.

- Но зачем ты встречала с ним Новый год?

- Он уговорил меня. Сказал, что неудобно одному появляться в компании, где он собирался встретить Новый год. Обещал вести себя очень корректно.

Артём с изумлением смотрел на Снежану.

- Ты меня разыгрываешь?

- Как-то в самом деле нелепо получилось, но это так.

- Платон? Это что кличка такая?

- Да нет, так его родители при рождении назвали. Это его имя.

- Платон? Ты что с ним встречалась за эти две недели?

- В том смысле, что ты вкладываешь, нет. Но он приходил пару раз ко мне домой.

- Зачем? Зачем он к тебе приходил?

- Замуж звал.

- Замуж? И что ты не вышла? Или выбираешь? Смотрю у тебя широкий выбор.

- Да нет, я не выбирала. Я вообще-то за тебя замуж хотела. Да видно не судьба.

- Какая судьба? Ты сама всё растоптала. Всё разрушила. Ты просто дрянь!

Снежана повернулась к Артёму и тихо, но твёрдо сказала:

- Не надо, Артём. Я виновата, но не заслужила оскорблений. Ты успешный и перспективный. У тебя всё будет хорошо. Прощай. Не приходи больше.

Артём даже не помнил, как добрался до дома. Через несколько дней он всё же уступил расспросам матери и рассказал ей всё.

- Знаешь, сынок, решать тебе. Скажу только, нельзя начинать совместную жизнь со лжи или даже неопределённости.

Прошло несколько недель. Он всё же решил сделать попытку поговорить со Снежаной, и позвонил. Телефон был не доступен. Через несколько дней на кафедре, куда он пришёл специально, ему рассказали, что она уехала работать в Москву.

- Но учебный год не закончился.

- Она договорилась с деканатом. Ей было очень надо. Сказала по семейным обстоятельствам. Мы думали, что она с Вами уехала.

Больше попыток увидеть Снежану он не предпринимал. Но и забыть её не мог. Постоянно анализировал последнюю ссору и понимал, что погорячился. - «Да и вообще надо было своё сердце слушать, а не родителей». И твердо решил жить отдельно.

Прошло ещё несколько месяцев. Однажды в воскресенье в спортзале во время игры он ощутил, что на него кто-то смотрит со зрительской трибуны. Артём поднял голову и увидел Снежану на своём месте, как и год назад. В этот момент он почувствовал толчок и упал. Обычная футбольная ситуация, но когда он поднялся, Снежаны уже не было. Он побежал к выходу, но она исчезла. Продолжать игру он не мог. Сослался на боль в ноге и направился в душевую. - «Приехала? Пришла посмотреть? А может всё ещё любит? И я напрасно обидел её?»

Через несколько дней на работе один из сотрудников фирмы зашёл к нему в кабинет и попросил помочь:

- Там клиент. Покупает машину. Заказал дополнительные опции, но с ценами на их установку не согласен, говорит в интернете другой прейскурант.

Артём подошёл к клиенту, представился, спросил:

- Как к Вам обращаться?

- Платон. Можно просто Платон.

Артём за годы работы научился себя вести, клиенты бывали всякие, но сейчас на мгновение остолбенел, услышав это имя. Затем взял себя в руки и, пообщавшись с клиентом, вопрос был исчерпан. Когда сотрудники разошлись, Артём обратился к клиенту:

- Платон, ты общаешься со Снежаной? Где она?

Тот взглянул на Артёма, но ответил не сразу:

- Снежана в Москве. Недавно сюда приезжала. Кстати, поздравила меня со свадьбой. Женился я, - и, помедлив, добавил, - Ты зла на меня не держи. Снежана мне всё рассказала, только запретила мне с тобой объясняться. А так я хотел тебе всё рассказать. У нас ничего не было. Она тебя любила, а может и любит ещё.

... В купе заглянула проводница:

- Чаю ещё не хотите?

- Нет, спасибо.

И когда она вышла, Артём продолжил:

- Вот, в общем, и вся история. Времени много прошло, но я так и не смог её забыть. Представляете, знакомлюсь с девушкой, иду с ней, а мне кажется, что это Снежана рядом идёт. Занозой сидит в моём сердце. Сейчас она в соседнем вагоне, и я не знаю, что делать. Хотел поговорить, но боюсь чего-то. Может, она уже замужем.

- Послушай, Артём, - отвлекла его от воспоминаний собеседница, - Давай я тебе расскажу другую историю. Может она тебе подскажет, что делать.

Эта история началась раньше твоей истории на 20 с лишним лет. Лариса приехала на южный берег Крыма не в первый раз. В Ялте жила её тётка, и Лариса останавливалась у неё в частном доме, жила в пристроенной веранде, так как все остальные помещения дома тётка в летние месяцы сдавала постояльцам. Так делали все местные жители. Обычно Лариса приезжала на море с мамой или подругой, но в этот раз родители посчитали, что она достаточно взрослая (закончила 4 курса института), и отпустили её в Ялту

одну, правда, всего на две недели, но это всё равно было для Ларисы целым событием.

Весь день Лариса провела на пляже, а вечером ушла на дискотеку. Городская дискотека представляла собой огромную площадку размером не меньше стадиона, где собирались отдыхающие, преимущественно молодые люди. Музыка не умолкала не на минуту. Как они разглядели друг друга в этой круговерти, среди сотен танцующих юношей и девушек сказать сейчас трудно, но с первых минут их знакомства Лариса поняла, что это тот самый принц, о котором мечтает любая девушка. Севастьянов Герман Силантьевич – так представился остроумный молодой человек, который заметил Ларису среди толпы, что была в постоянном движении, ритмично освещаемой бликами светомузыки. Танцевал он красиво, в его движениях был различим определённый рисунок, а Лариса, всегда любившая танцы и занимавшаяся ими с детства, не просто танцевала, а кружила вокруг Германа, словно порхая, не замечая больше никого вокруг себя. С дискотеки они возвращались вместе. Герман в детстве занимался музыкой, но со временем понял, что это не его, и год назад, окончил институт, по специальности «станки с программным управлением». Ларисе, тяготевшей к гуманитарным предметам, специальность эта казалась жутко сложной, но это ещё больше подчёркивало в её глазах неординарность Германа, начиная с его имени и привычкой всё подвергать сомнению.

Герман приехал в Ялту на пару дней раньше Ларисы, снимал комнату в городской квартире.

- Но это же дорого? – спросила Лариса, - Зачем тебе целая комната? Обычно в летний сезон молодые люди снимают просто койку.

- Через неделю приедет мой друг. Он пробудит здесь всего несколько дней, а уедем мы уже вместе.

Следующим утром на пляж они шли вдвоём. Впрочем, вместе они были уже каждый день и вечер. Для Ларисы, впервые по-настоящему понравившийся мужчина казался неким божеством, с которым ей было

настолько легко и просто, что от нахлынувшего на неё счастья она забыла про обязательные звонки домой по междугороднему телефону. Забыла она и про наказы матери, которая несколько раз объясняла Ларисе, перед тем как отпустить её одну в Ялту, что на юге все мужчины хотят лишь одного: обольстить, весело провести время, а потом уехать и забыть.

Лариса с Германом кроме купания в тёплой воде Чёрного моря почти ежедневно отправлялись на прогулку или в поездку: Ботанический сад, Ай-Петри, Бахчисарай, Ливандийский дворец, Севастопольская бухта и т.д. В принципе, Ларисе было всё равно куда идти или ехать с Германом, она сияла от одного его присутствия и всей своей женской сущностью осознавала, что это тот единственный, с которым она будет всю жизнь. Они обязательно будут счастливы, ведь они так любят друг друга.

Неделя пролетела так быстро, что казалось, все эти дни это один миг обворожительный и счастливый. Но однажды вечером, когда они, гуляя по набережной, спустились к морю и уселись на большой камень в нескольких метрах от плескавшейся тёмной воды, Герман взял её за руку и сказал, что им надо поговорить.

- Мне важно тебе кое-что рассказать. Я уже принял решение и не хочу расставаться с тобой, но будет честнее, если я тебе всё расскажу сейчас.

- Надеюсь, ты не объявишь мне, что женат? Ты же не хочешь, чтобы я стала русалочкой? Я не смогу уже без тебя.

- Нет. Всё не так страшно, но сказать - должен. Завтра ко мне приезжает не друг, а моя девушка, то есть моя бывшая девушка. Она приедет, и я ей всё расскажу, она поймёт.

- Но почему ты ей не позвонил по междугороднему телефону и не объяснил всё? Ведь у нас с тобой всё серьёзно?

- Да, конечно, но я не могу сейчас её расстраивать.

- Что значит «не могу расстраивать»? Ведь объясниться с ней всё равно придётся.

- Да, но не сразу. Понимаешь, мы ведь заявление в ЗАГС подали, и ещё, она, в общем, беременна.

Несколько минут Лариса сидела молча, затем долго плакала, не слыша, как Герман пытался ей что-то говорить и успокоить. Затем она решительно встала и ушла, запретив Герману провожать её.

Мир её рухнул. Она знала, что такое боль, невезение, утрата, но что такое несчастье она до этого не знала. Жизнь её потеряла всякий смысл, и она, наверное, могла сделать этот последний шаг, но интерес ко всему был настолько утерян, что ей было трудно сосредоточиться на том, как это сделать.

Весь следующий день она пролежала в кровати, пролив на подушку море слёз. Ближе к вечеру в окно веранды раздался стук. За окном стоял Герман. Лариса нашла силы выйти и выслушать его.

- Я ведь не знал, что встречу тебя. Влюбился в тебя сразу, но и сволочью я быть не могу. Девушка сегодня прилетела, а ей такое выдам. Давай сделаем так: через неделю мы с ней улетаем обратно. В своём городе я ей всё расскажу, и мы с тобой всегда будем вместе. Институт ты можешь закончить заочно, уже в нашем городе. Поверь, я люблю тебя. Я знаю, что такое курортные романы, но к нам это не относится. Вот я прошу у тебя прощения, но в чём я виноват?

- Я тебя не обвиняю ни в чём, но знаю одно: я не вправе решать судьбу другого совсем незнакомого мне человека – твоей девушки. Вот она действительно ни в чём не виновата. Прощай, не приходи больше.

- Мы будем жалеть об этом всю жизнь. Она приходит только один раз и навсегда. Нельзя от неё отречься.

- Кто приходит?

- Любовь. Настоящая любовь приходит один раз и остаётся навсегда, если она настоящая.

- Это любовь, а у тебя был курортный роман. Уходи.

Вечером Лариса с переговорного пункта позвонила домой и, всхлипывая, говорила:

- Мама, я хочу домой, но мой самолёт через неделю.

- Забудь про самолёт и всё остальное. Утром на автобусе едешь в Симферополь, там берёшь билет на любой поезд до Москвы. В Москве сделаешь пересадку и уже через два дня будешь дома.

... Забыть Германа было не просто. Однако жизнь продолжалась. Лариса вышла замуж, родила двоих детей. Нельзя сказать, что она не любила мужа, но те чувства, которые она испытала с Германом, уже никогда не повторились. Больше в Ялту она уже не ездила. Делала это скорее умышленно, но однажды ей пришлось поехать в Симферополь на конференцию. Была осень, закончился бархатный сезон, но на вокзале, где она ожидала объявление на посадку, на свой поезд, в обратный путь, было достаточно многолюдно. И снова среди массы людей они увидели друг друга. Он целовал ей руки, повторяя:

- Я знал, что мы встретимся. Каждый день я думал о тебе.

- Герман, милый, скоро посадку на мой поезд объявят. Он через час с небольшим, отправляется. Давай посидим в сквере на скамейке. Сегодня не холодно, но сезон похоже закачивается.

Она говорила излишне спокойно, как-то даже обыденно, а в груди у неё всё пылало: вот её родной, любимый человек. Не оставляй его больше. Это же твоя судьба. Но вместо этого она рассказывала о своей работе, детях, муже, спрашивала о его успехах на машиностроительном поприще и станках с программным управлением.

- Станки, похоже, уже никого не интересуют. Да и вообще, оборонка не в почете. Пришлось как-то выкручиваться. Однако, не бывает худа без добра. В общем, создал свою фирму, много чего было, но сейчас на плаву.

- Ты живёшь с ней, с той девушкой?

- Да, но я ей всё рассказал, правда, не сразу, через несколько лет. Мне казалось, что если я признаюсь, то обязательно ещё раз увижу тебя. Видишь, сбылось.

- И что она? Простила?

- Видимо, да. По крайней мере, не корит, я даже дочку назвал Ларисой.

- А я сына Германом. Он с таким именем один на всю школу.

Час прошёл незаметно. Лариса встала со скамейки.

- Мне пора. Я была рада тебя видеть. Очень рада. Видишь, у нас всё хорошо. Не провожай.

Она обхватила его за шею и прижалась, словно пытаюсь впитать его на всю оставшуюся жизнь. А он, обнимая её, прошептал только:

- Береги себя.

...Попутчица Артёма замолчала, при этом была какой-то просветлённой.

Артём осторожно спросил:

- Скажите, это Вы о себе рассказывали? Лариса это Вы?

- Сейчас уже Лариса Николаевна.

- И что? Вы больше не встретились?

- Всю жизнь я чего-то ждала, хотя жила, как мне казалось, обычной и даже размеренной жизнью. Дети выросли, у них своя жизнь. Два года назад умер муж. А несколько недель назад по радио, которое у меня на даче включено постоянно, я услышала свою историю и просьбу откликнуться от Севастьянова Германа Силантьевича. Он сейчас свободен и разыскивает меня по всей стране. Озвучили даже телефон редакции, но я и без телефона могла его по интернету найти. Он в своём городе человек не последний. Важно, что он меня нашёл. Мы, конечно, сразу созвонились, и вот я еду к нему. Думаю, навсегда. А теперь решай, Артём, надо ли ждать всю жизнь? Настоящая любовь приходит один раз. Иди к своей Снежане в соседний вагон и не отпускай больше. Любящие друг друга люди имеют право быть вместе, несмотря ни на какие обстоятельства.

- Вы удивительная женщина. Вы сняли с меня все сомнения. Мы Вас на свадьбу пригласим, если...

- Без всяких если. Иди и борись за свою любовь.

12.12.2017 г.

Твой день, Владимир!

История эта произошла в восьмидесятые годы прошлого столетия в обычном городе с обычными людьми в предновогодние дни, а точнее в последнюю субботу уходящего года. После выходных было еще два рабочих дня перед Новым годом, но все основные покупки для праздничного стола горожане стремились сделать именно в субботу, так как в воскресенье магазины не работали. А 30 и 31 декабря времени всегда не хватало, поскольку на работе кроме дел, которые необходимо было обязательно закончить в уходящем году, повсеместно организовывались посиделки с коллегами, на подобие современных корпоративов.

Вот и Володе предстоял сегодня непростой день. Его жена Галя пойдёт с маленькой дочкой Юлей до ближайшего продовольственного магазина и купит часть продуктов, а потом они будут наряжать ёлку, но основные закупки по списку предстояло сделать Володе на рынке: мясо, зелень, фрукты. Кроме того, надо купить шампанское. Водку и колбасу Володе традиционно выдали на службе в праздничном продуктовом наборе, но они с Галей собирались встречать Новый год с такой же молодой семейной парой, и шампанское на стол просто необходимо. Детские праздничные подарки из конфет, мандаринов и яблок для Юли они уже получили, каждый на своей работе, один дочке уже вручили, а второй положат под ёлку в новогоднюю ночь. Юли не было ещё четырех лет, но она была очень смысленной и общительной девочкой. Её знали и любили все соседи, приглашали на чай и, возвращаясь из гостей, она подробно рассказывала родителям: с кем общалась, и чем её угощали. Юля была очень подвижная и непоседливая. Ещё когда ей не было и года, и она могла только стоять в детской кроватке, расположенной у стены рядом с книжными полками, то её любимым занятием было скидывать в свою кроватку по очереди все книги, до которых она могла дотянуться. Если Галя была занята и не успевала убрать на место книги, то Володя, приходя с работы видел такую картину: на груде из книжек совсем недетских сидит Юлечка и перебирает их как игрушки. Игрушки тоже у Юли были, но её больше интересовали книги, журналы, открытки. Наверное, поэтому Володя всегда вечерами читал ей какую-нибудь сказку или рассказ. Когда Юля чуть подросла и выходила гулять во двор, мама всегда одевала ей яркую вязаную косынку, так легче было увидеть или даже отыскать непоседливую Юлечку. Дело в том, что Юля не умела ходить нормальным шагом, она всегда передвигалась бегом, и стоило только на минуту отвлечься, как она была уже на другом конце двора или ещё дальше. И тогда кто-либо из родителей бежал за ней следом, благо такая яркая косынка была видна издали.

Их маленькая семья жила в деревянном двухэтажном доме, разделённом на комнаты, и в каждой комнате жила отдельная семья. Большой

общественный туалет из белого кирпича, состоящий из двух секций, стоял во дворе, и по утрам там иногда образовывалась очередь. В комнате стояла небольшая печка, которую топили дровами. В доме был водопровод, а потому проблем с водой не было. Готовила Галя на двухкомфорочной электрической плитке, удачной конструкции (из-за высокой температуры быстро готовилось любое блюдо). Плитка располагалась на специальном столе, отделённом от основной части комнаты большим шифоньером. Получилась как бы маленькая кухня, где кроме прочего стоял и небольшой холодильник.

Юлю рано определили в ясли, так как Галя работала медсестрой в реанимации городской больницы, её очень ценил главный врач, и для Юли без очереди выделили путёвку. Правда, ясли находились не близко, но молодых родителей это не смущало, и они по очереди, а иногда и вместе приходили после работы за Юлей. Если погода позволяла, они шли пешком по городу, затем поднимались на железнодорожный мост и смотрели вниз на длинные грузовые составы, затем спускались с другой стороны моста, а там уже и дом их недалеко – на улице Тургенева. Квартиру в этом неблагоустроенном доме Володе выделили, не снимая с очереди на благоустроенное жильё. Галя тоже стояла в очереди на жильё, но у Володи получить благоустроенную квартиру шансов было больше, так как он работал в крупном строительном тресте.

Квартиры выделялись бесплатно, согласно очереди, учитывался стаж и количество членов семьи, но ждали получение квартир годами. Молодые специалисты пользовались льготами, но, чтобы быть вместе Володя с Галей не поехали по распределению (их направляли в разные города), и оттого автоматически лишились этой льготы на первоочередное жильё. Всё устраивало Володю и его жену в этой жизни: они были молоды, любили друг друга, имели работу по специальности, а самое главное, их всегда радовала дочка Юля.

Их родные жили в других городах, виделись они с ними только во время отпуска, а потому привыкли полагаться только на себя и друг друга. Они успевали ходить в гости, в кино и театр, благо Юлечку охотно оставляли у себя соседи, да и дома в их небольшой комнате было достаточно уютно, и они с удовольствием проводили время вместе. Денег, конечно, не хватало, но одежду и мебель можно было приобретать в рассрочку, да и кассой взаимопомощи можно было воспользоваться при необходимости. Одним словом, главной мечтой их жизни была благоустроенная квартира. Как сказал дядя Яша, живший в одном из соседних домов и ремонтировавший им печку: «Пора вам переселяться из этого клоповника. По статусу вам жить здесь не положено. Хорошая у вас семья». Но слова и желания пока не совпадали с реальной жизнью.

Вот и вчера, в пятницу, было заседание профкома по распределению квартир, последнее в этом году. Обычно счастливицу сразу сообщалось об этом, ему вручались ключи от новой квартиры, а через какое-то время и ордер на новое жильё. Но Володя сразу понял: в списке получающих его нет,

да и вообще как-то тихо всё было, никто никого не поздравлял, и к Володе никто не подходил. Сколько ещё ждать? Год, два, три? Володя даже чувствовал некую вину перед Галей, которая правда не упрекала его ни в чём, но он понимал, что рай в шалаше – это хорошо, но лучше если это всё-таки не Тургенева, 12.

Володя взял сумку для продуктов, надел свою шубу из овчины с пышным белым воротником, покрытую сверху тёмным материалом и отороченную на рукавах натуральным мехом. Это был подарок от матери. Шуба эта делала его не только заметным, но даже каким-то важным и излишне крупным, хотя на самом деле Володя был стройным и энергичным парнем. Он не стал ждать автобуса на остановке недалеко от дома, а пошёл к железнодорожному мосту. Перейдя его, он оказался на привокзальной площади, откуда автобусы ходили куда чаще. День был холодный, но редкие маленькие снежинки, тихо падающие на землю, давали надежду, что к обеду, возможно, потеплеет. На большой крытой автобусной остановке стояло всего три человека: мужчина с женщиной и старушка – божий одуванчик. Старушка была какая-то совсем маленькая, укутанная поверх пальто в большой серый платок, в руках она держала необычную, замысловатую трость, больше похожую на клюку Бабы Яги. При этом мысленном сравнении Володя улыбнулся. Ведь буквально на днях жена рассказала ему забавный случай, который произошёл в общей городской бане, куда Галя ходила вместе с Юлей. Недалеко от них в моечном отделении сидела пожилая женщина с длинными седыми волосами, которые она расчесывала каким-то гребнем. Юля сначала долго и очень внимательно смотрела на старушку, затем подошла к ней и спросила: «Ты Баба Яга? Да?». Сидящие рядом женщины не смогли сдержать улыбок, а старушка, увидев, что к ней обращается девочка-ангелочек, спорить не стала:

- Да, можно и так сказать. Но я не всегда была такой. Прежде я была Еленой Прекрасной.

- Тебя что - околдовали?

- Нет, дитятка. Просто всему свой черёд.

Галя с извинениями отвела Юлю на своё место, а старушка просто сказала: «Чего здесь извиняться. Ребёнок непосредственный, любопытный, а это уже хорошо».

Подошел автобус. Володя пропустил старушку и вошел следом в салон автобуса через заднюю дверь. Народу в автобусе было много. Да и понятно – у всех предновогодние хлопоты. Старушка попыталась двинуться вперед, но это у нее не получилось. Везде стояли пассажиры. Она даже до поручня не могла дотянуться. На заднем сиденье, лицом к выходу сидел краснощекий, полноватый мальчишка лет двенадцати. Он был просто вылитый персонаж из известного выпуска «Ералаш». Через плечо стоявшего впереди мужчины Володя доброжелательно обратился к мальчишке:

- Давай отрок, уступим место бабушке.

Мальчишка не торопясь, но встал, освободил место, и Володя помог старушке протиснуться к сиденью.

«Старушка вся седая, сморщенная, но какая-то просветленная. Прямо чувствуется в ней какая-то загадочность. И глаза больно чистые для её возраста. А клюшка у неё совсем странная и необычная».

С такими мыслями ехал Володя, стоя на задней площадке переполненного автобуса, а рядом сидела довольная старушка с обаятельным выражением лица. «Понравилось, что я ей помог. Лицо такое одухотворенное».

Перед остановкой у рынка бабуля поднялась с места и стала пробираться к выходу.

- Да мы здесь все выходим, - сказал ей кто-то из пассажиров. - Не торопитесь. Все успеем».

У рынка действительно сходили многие пассажиры, но Володя с каким-то необъяснимым чувством ответственности помог старушке спуститься, при этом её клюка непонятным образом зацепилась за поручень, и Володе пришлось шагнуть обратно на ступеньку и отцепить бабушкин атрибут.

На рынке Володя был долго. Он знал - у кого купить свежее мясо и оставил это напоследок. Сначала он решил пройти чуть дальше, на так называемую барахолку. Барахолки семидесятых-восемидесятых годов – это отдельное значимое явление той эпохи. На барахолке можно было купить всё, если были деньги. Здесь приобретали новые или едва поношенные джинсы и куртки с логотипами известных западных фирм, турецкие дубленки и чешскую обувь, валенки местного производства и посуду из настоящего фарфора, а так же вещи и одежду, которые стали не нужными хозяевам и они были готовы продать их по очень низкой цене.

Володя шел сюда с определенной целью: ему нужна была дамская сумочка – подарок для Гали. Она как-то показала Володе, какая сумочка нравится ей и он решил подарить именно такую на Новый год, если найдёт.

Ему повезло: словоохотливый мужчина кавказкой внешности одну за другой доставал из огромного мешка сумочки, пока Володя не увидел точную копию той, которую показывала ему Галя. Он поторговался с продавцом, хотя уже точно знал, что всё равно купит эту элегантную кожаную сумочку серебристого цвета.

Важная покупка была сделана и Володя с удовольствием «обмыл» её стаканом газировки с сиропом из автомата в здании рынка. Газировку он выпил не залпом, а наслаждаясь привычным еще с детства вкусом сладкой жидкости с которой было связано немало воспоминаний. Любой выход в город, на прогулку, семьей или с приятелями, особенно в летнее время, включал в себя процедуру употребления газировки, когда уличный автомат получив трехкопеечную монету, с шипением и рокотом наливал в граненый стакан сначала немного сиропа, а затем воду с газом. В детстве мальчишки спорили (заклучали пари) на стакан газировки, родители напитком из этого агрегата ублажали маленьких детей, а взрослые дядьки, случалось, брали стакан из автомата, что бы выпить на троих, за углом, поллитровку водки, иногда забывая возвращать стакан на место. Самому агрегату иногда

доставалось в прямом смысле, если он вдруг начинал капризничать и не наливал газировку в ответ на опущенную в него монету. Тогда незадачливый клиент хлопал по нему ладонью, а то и вовсе ударом кулака заставлял автомат выполнить свои обязанности.

Лимонад в бутылках продавался во всех продовольственных магазинах, но выпить газировку у автомата, предварительно сполоснув стакан при помощи специального нехитрого устройства, было как-то привычнее и в этом был своеобразный элемент красивой жизни, о которой в то время говорили все, но мало кто реально имел о ней представление..

Володя порылся в карманах, нашел двушку (две копейки) и позвонил с телефона-автомата Виктору Петровичу Ястребову, тренеру институтской баскетбольной секции. Володя, как и некоторые его сокурсники, любил баскетбол, они занимались в спортзале института не только в отведенные для их секции, но и просто играли между собой, когда спортзал был свободен от занятий, разделившись на две команды, не обязательно по пять человек. Володя не обладал баскетбольным ростом, но его техничность нравилась тренеру и он, формально, не включая Володю в состав сборной института, привлекал его к играм с командами из других вузов и техникумов. Соперники, считая, что Володя с его ростом не основной игрок, оставляли его без опеки, особенно в начале матча, и он за несколько минут делал серию блестящих проходов к кольцу, виртуозно забрасывая мяч в корзину. Пока команда соперников осознала - кто есть кто, время было упущено, Володя набирал желаемые очки, полностью выкладываясь, а потом его заменяли.

Он всегда поздравлял своего бывшего тренера с праздниками, так как сохранил признательность за те студенческие годы, когда он жил в общежитии и Ястребов иногда выбивал для него в спорткомитете талоны на питание.

Поговорив по телефону-автомату, Володя довольным уходил с рынка с вместительной сумкой, набитой продуктами, и небольшой дамской сумочкой, которую он не решился положить в большую сумку, а просто нес её в руке.

Надо было зайти на почту, отправить праздничные телеграммы родителям, брату и сёстрам. Гале поздравить родственников было гораздо проще: у её родни в другом городе были домашние телефоны, и она в больнице, с ординаторской могла иногда им звонить.

Главпочтамт находился недалеко от рынка, и молодой человек отправился туда. Подойдя к трехэтажному зданию почты, Володя увидел, что та же старушка в большом платке и с несуразной тростью, намеривается подняться по ступенькам на большое крыльцо почтамта. Володя обратил внимание, что песком посыпана только одна часть лестницы, та, что рядом с перилами, а другая половина ступенек, что рядом со стеной, осталась не обработанной, а потому очень скользкой. Старушка хотела подниматься как раз по этим скользким ступенькам.

- Подождите. Надо подниматься вот здесь, - и Володя показал рукой на перила. Он помог подняться старушке на крыльцо, открыл перед ней сначала

одну массивную дубовую дверь, затем другую, и они вошли в помещение. Удивительно, но в этот раз очереди к окошку, где принимались телеграммы, не было. Обычно в предпраздничные дни, чтобы отправить телеграмму, приходилось стоять в очереди до получаса.

Володя сел за большой стол, поставив рядом сумку с продуктами и положив на стол сумочку – подарок, засунул перчатки в карман и попросил сидевшего за столом мужчину профессорской внешности, в коричневом пальто с каракулевым воротником, передать ему бланки телеграмм. Мужчина взял несколько бланков, лежавших стопочкой в центре стола, и передал Володе, одновременно чуть подвинув свои перчатки, лежавшие на столе. На них Володя сразу обратил внимание: дорогая кожа с блестящими кнопками и мехом внутри говорили о том, что перчатки эти явно импортные, а их хозяин человек состоятельный, или занимает высокую должность.

Мужчина казался очень расстроенным, похоже, он писал текст совсем не поздравительной телеграммы. Когда Володя закончил заполнять вторую телеграмму, он увидел, что мужчины рядом уже нет, а его дорогие перчатки остались на столе. Володя встал, быстро осмотрел весь зал, однако мужчины не было. Володя схватил перчатки и кинулся на выход. С крыльца он увидел уходящего по улице мужчину в коричневом пальто. Молодой человек догнал «профессора», который шёл, засунув руки в карманы, видимо, совсем забыв о перчатках.

- Возьмите перчатки. Вы оставили их на почте.

Мужчина отрешенно взглянул на Володю.

- Да, спасибо. Да, конечно, - проговорил он и пошёл дальше.

«Наверное, умер кто-то», - подумал Володя, посмотрел мужчине вслед и быстро пошёл обратно на почту.

Зайдя в зал и подойдя к столу, где только что сидел, он увидел, что сумка с продуктами стоит у стола, телеграммы лежат на прежнем месте вместе с оставленной на них шариковой ручкой, но на столе не было дамской сумочки - подарка для Гали. Он растерянно бегал по залу, затем подошёл к одной из девушек, сотруднице почты, но та ничего не видела. Пока он бегал за «профессором» сумочку увели.

Володя растерянно стоял на улице со своей продуктовой сумкой и осознавал всю безвыходность ситуации. Другой сумочки он уже не купит. У него просто не было таких денег. Тем не менее, он понимал: надо заставить себя пойти в гастроном, чтобы купить шампанское (не оставлять же любимую жену совсем без праздничных атрибутов). В это время из здания почтампа вышла старушка с клюкой, с трудом открыв тяжелую дверь. Спускаться по ступенькам держась за поручни, и осторожно переступая валенками, она начала в нужном месте и Володе не пришлось ей помогать. Старушка взглянула на озабоченного, ушедшего в себя молодого мужчину, остановившегося непонятно зачем на углу здания, что-то пробурчала себе под нос и прошлепала мимо него далее, по своим только ей известным делам.

Спустя несколько минут Володя, взяв себя в руки, направился к гастроному «Весна», в котором купил шампанское, затем на автомате пошёл

на остановку и вошёл в подошедший автобус, чтобы ехать домой. Пассажиров было уже намного меньше, даже были свободные места на заднем сиденье. Он снял перчатки, положил их на свободное место, рядом поставил сумку. Вдруг почувствовал, что сзади его кто-то шаркает. Он повернулся и увидел бабулю с клюшкой. Наверное, у него было нелепое выражение лица, но он, следуя неизменным законам логики своего поведения в этот день, поднял ставшую уже тяжёлой сумку и сказал как-то нерешительно старушке этого дня: «Садитесь», но бабуля неожиданно приняла совершенно другой вид: из божьего одуванчика она превратилась в какое-то жутковатое существо совершенно недоброго вида. Володя вдруг увидел в ней незнакомые, но явно узнаваемые черты старой ведьмы.

- Ты что ко мне привязался? Весь день за мной ходишь! Что тебе надо? Люди добрые, смотрите, маньяк, наверное, преследует меня.

Недоуменные пассажиры с интересом смотрели на интеллигентного вида молодого мужчину, совершенно обескураженного и воинственную старушку, которая тыкала в сторону Володи своей невообразимой огромной клюшкой. В этот момент автобус остановился, и Володя буквально выпрыгнул из него. «Чертовщина какая-то. Да, точно, баба Яга, а не божий одуванчик, но однозначно мистика. Что бы это значило? Ведь знак какой-то».

На остановке стояли парни его возраста и курили, о чём-то разговаривая между собой. Володя попросил у них сигарету, (хотя он бросил курить - Галя не переносила табачный запах), прикурил и с каким-то остервенением затянулся. Сделав несколько затяжек, он выбросил окурочек и сел в автобус, который шёл не на вокзальную площадь, а в объезд, но ближе к его дому.

И только когда он вышел на своей остановке и сделал несколько шагов, почувствовал, что рукам холодно. «Перчатки!» Перчатки он оставил в автобусе с чудо-юдо-бабкой, свалившейся на его бедную голову ни за что ни про что. Что за день такой? Всё наперекосяк!.

Он не сразу пошёл домой, стоял около подъезда, смотрел на заснеженные деревья небольшого сквера, примыкавшего к его дому, где летом мужики играли в карты и шахматы, но зимой там даже тропинок не было, и думал, как он обо всём расскажет Гале.

«Ничего не буду пока рассказывать. Придумаю что-нибудь. Только что я придумаю? Неудачник, видимо, я», - с такими мрачными мыслями он вошёл в комнату. Дома Галя с Юлей были не одни. На диване сидел его коллега и приятель Дима, которого все называли Димонем.

- Ты что перед праздником такой хмурый, друг ты мой Владимир? Тебе радоваться надо.

- Чему радоваться, Димон? Какая-то невезуха просто.

- Ты о чём? Сегодня твой день. Квартиру вам выделили. Вчера заседание профкома не состоялось, на сегодня перенесли. Мне председатель профкома недавно домой звонил, просил тебе передать, чтобы ты к 16:00 ехал в трест. Ключи вручать будут. Новый год в новой квартире можете встретить, ну а переехать и после праздника можно. С тебя, брат, поляна.

Владимир стоял, не шевелясь, и только ощущал нежные родные руки Гали, которая обнимала его и непрерывно целовала в озябшее лицо, а Юля, удивленная, что отец не обратил на неё внимания, стояла рядом, дёргала отца за шубу и спрашивала:

- Папочка, а в новой квартире ты мне будешь новые сказки читать?

Владимир обнял супругу, чуть повернувшись лицом к печке и вдруг савок с длинной ручкой, стоявший у печки, стал превращаться в сказочную клюку, а через мгновение превратился в затейливый ключ, неправдоподобных размеров.

Владимир с улыбкой прогнал от себя минутное виденье и подумал, что нелепый «день старухи», стал и, правда, необычным, но его днем.